

Большое место в своей статье Л. Г. Потапов уделяет описанию тувинской свадьбы. Это описание также содержит ряд не отмеченных ранее деталей свадебной обрядности.

Но нельзя не отметить и некоторые недостатки работы Л. П. Потапова. Читателю не всегда ясно, в какой степени описываемые черты традиционных форм культуры сохранились у тувинцев в период работы экспедиции. В частности, бытует ли в современной Туве весьма подробно описанная свадебная обрядность, некоторые обычаи, связанные с верованиями и др. Статья значительно выиграла бы, если бы был привлечен сравнительный материал из других районов Тувы. Автор приводит некоторые параллели из этнографии монголов, но почти не привлекает этнографию тюркоязычных народов Алтая, Средней Азии, Казахстана. Наконец, хотелось бы сделать некоторые замечания и по приводимым в статье рисункам. К сожалению, в подписях под ними не указано точно место, откуда происходят эти вещи.

В разделе о народных знаниях изложены тщательно собранные Л. П. Потаповым сведения о народном календаре тувинцев, их мерах длины, об определении времени, представляющие исключительный интерес как для этнографии других тюркоязычных народов Южной Сибири и Центральной Азии, так и для истории духовной культуры вообще.

В статье В. П. Дьяконовой о погребальном обряде тувинцев приведены сведения по этому вопросу, собранные ею главным образом в Сут-Хольском районе, а также некоторые материалы по погребальному обряду тувинцев в других районах Тувы (Бай-Тайга, Эрзин). В целом материал собран весьма тщательно, но вызывает сомнение сообщение, приводимое В. П. Дьяконовой со слов одного из информаторов, о бытовании у тувинцев еще в недавнем прошлом обычая устанавливать каменные изваяния в честь умершего (стр. 62). На такое свидетельство следовало бы обратить особое внимание и тщательно его проверить, так как каменные изваяния Тувы хорошо известны, но среди них не обнаружены поздние памятники.

Оценивая рецензируемую книгу в целом, необходимо сказать, что она по существу представляет собой фактическое обоснование первого тома «История Тувы»¹², значительная часть которого написана на материалах Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции, но в силу специфики издания лишена ссылок на многие конкретные материалы. «Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции» будут интересны всем, кто занимается недавним и отдаленным прошлым азиатской части нашей страны и других стран Центральной и Восточной Азии.

Н. Л. Членова

¹² «История Тувы», т. I, М.-Л., 1964.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

N. Valonen. Zur Geschichte der finnischen Wohnstuben. Suomalais-ugrilainen seuran toimituksia, 133, Helsinki, 1963.

Книга Нийло Валонена, профессора Хельсинкского университета, вышла в свет вслед за рядом работ, с которыми она связана по тематике. В числе их в первую очередь следует упомянуть работы Илимара Талве о банях и снопосушильнях в Северной Европе¹. Эти исследования по крестьянским постройкам обогатили этнографическую науку интересными теоретическими построениями и заслуживающей внимания методикой использования разнообразных источников.

Финляндия, подобно нашей Восточной Прибалтике, представляет собой в этнографическом плане переходную зону, где в различных явлениях народной культуры можно видеть переплетение западных и восточных черт, иногда их контаминацию, иногда наличие четкой границы между ними². Вследствие этого рецензируемая книга представит несомненный интерес и для тех этнографов, которые непосредственно не занимаются финской этнографией.

Н. Валонен поставил перед собой нелегкую задачу исследовать происхождение и развитие основного жилого помещения в крестьянском доме. Изучение финского крестьянского жилища осложняется тем обстоятельством, что современные постройки в большинстве своем утратили традиционные черты, или же приобрели столь развитую

¹ I. Talve, Bastu och torkhus i Nordeuropa, Nordiska Museets Handlingar 53, Stockholm, 1960; его же, Den Nordeuropeiska rian, Folklivsstudier, IV, Helsingfors-Köbenhavn, 1961.

² К. Вилкуна, Этнографические области Финляндии, Финляндия. Географический сборник, 1956.

форму, что трудно выявить их исходный тип. Поэтому исследователь большое внимание уделил жилищам беднейших слоев населения: бобылей, ремесленников, сельских рабочих; именно в этих жилищах из-за бедности владельцев дольше сохраняются традиционные и архаические черты.

Наряду с оригинальными полевыми материалами автор широко использовал сведения, полученные от добровольных корреспондентов Национального музея, данные археологии, этнографические и исторические архивы. Все эти материалы серьезно подкрепляют аргументацию исследователя.

Свое исследование Н. Валонен начинает с рассмотрения терминологии и планировки жилища, а также второстепенных жилых построек крестьянской усадьбы и сезонных жилищ. Затем он подробно анализирует формы очагов и печей в жилых домах и в других постройках (банях, ригах). Большое место отведено терминологии очагов. В заключение автор излагает свою теорию возникновения и развития различных форм жилища в Финляндии.

Наиболее простая известная форма срубного жилища в Финляндии представляла собой двухкамерную постройку, состоящую из отапливаемого жилого помещения и холодных сеней. Для такого жилища на территории страны применялось два термина — «пирти» (pirtti) и «тупа» (tupa), которые имеют вполне определенные ареалы. Термин «пирти» распространен в двух частях страны. Во-первых, на юго-западе в бассейне р. Кокемяэйоки (т. е. в северной части провинции Варсинайс-Суоми, почти на всей территории Сатакунты и на юго-западе Хяме). Во-вторых, на севере страны — от р. Торнио до государственной границы с СССР; южная граница ареала идет по течению р. Паттийоки и по северным районам Саво и Карьяла, захватывая всю восточную пограничную часть последней. На остальной территории страны распространен термин «тупа».

Финское жилище различается не только по терминологии, но и по формам использования жилого помещения, причем функциональные различия не совпадают с терминологическими. Почти повсеместно основное жилое помещение (пирти или тупа) служит местом, где крестьянская семья спит, ест, работает; здесь же происходит варка пищи и выпечка хлеба. Исключение представляет юго-западный ареал пирти (бассейн Кокемяэйоки). Здесь в пирти спят, едят, работают, но приготовление пищи и выпечка хлеба происходит вне его. По границе территории распространения этой формы жилища встречаются переходные варианты ту́па и пирти: в основном помещении варят еду, но не пекут хлеба.

Отличия в использовании жилища были неразрывно связаны с различием форм очага. Автор исследования считает, что изучение форм, функций, местоположения очага является ключом к решению вопросов развития и происхождения жилища, в чем с ним нельзя не согласиться. В книге анализу очагов предпослан краткий обзор развития планировки жилища. При типологизации построек по плану автор исходит из горизонтальной планировки и из терминологии помещений.

Широко были распространены в Финляндии трехкамерные срубные постройки. В северных районах распространения пирти они часто имели симметричную форму: помещение, построенное по другую сторону сеней, было зеркальным отражением основного, с той же формой и расположением печи и тем же названием «пирти» с определением — «маленькая», «вторая», «летняя» и т. д.

В юго-западном ареале пирти также были распространены трехкамерные постройки, но помещение, расположенное по другую сторону сеней, не было сходно с основным. Если в пирти была сложена чисто обогревательная печь, то во втором помещении стояла хлебная печь с очагом; называлось оно «ту́па», «пакаритупа», «пакари» и служило кухней-пекарней.

В той части страны, где основное помещение дома называлось ту́па, сруб, построенный через сени, обычно был разделен перегородками на несколько небольших помещений, называвшихся по назначению «женской», «маленькой», «второй» тупой.

Наряду с вышеописанной встречались также Г-образная и Т-образная планировки дома. Г-образная планировка имела два основных варианта. Иногда третье помещение, приставляемое к сеним, несколько выносилось в сторону, так что двери в сених располагались по диагонали друг к другу. Н. Валонен так и называет этот тип планировки «диагональным». Чисто Г-образная планировка возникала при пристройке к трехраздельному дому четвертого сруба под прямым углом. Т-образная планировка характерна для домов, в которых в сених отделилась камера и затем развивалась в помещение, выходящее за линию основных стен дома. Иногда к сеним сзади пристраивались и другие помещения, также под прямым углом к оси дома.

В разделе о планировке жилища интересна мысль автора о том, что «диагональная» планировка является в Финляндии наиболее древней для трехкамерных построек и распространилась в стране благодаря культурным связям с Готландом в XII—XIII вв. Симметричную планировку он считает более поздней, пришедшей в деревню из города в XVI в. Не располагая материалами о западных влияниях в Финляндии, мы не можем спорить с Н. Валоненом, но все же его предположение не может не вызывать сомнений. Конструктивно симметричная планировка проще диагональной —

обстоятельство, которое для ранних этапов строительной техники было существенным. Кроме того, развитие жилища шло и в силу внутренних причин, а не только внешних влияний. Что же касается последних, то следует учесть и восточные влияния. Для славянского жилища характерна именно симметричная трехраздельная планировка, причем в Новгороде она была известна уже в XII в. Несомненно, что в пограничной Карьяла, где было распространено жилище, аналогичное севернорусскому, симметричная трехраздельная планировка должна была быть более ранней, чем «диагональная».

Анализ форм очагов и печей Н. Валонен начинает с наиболее древних известных форм курной печи. Последние в Финляндии были двух типов: каменки и глухие. Конструкция каменки хорошо известна: верхний свод в ней складывается из крупных камней, на них укладывается груда булыжников. Горячий воздух из топки проходит через отверстия в своде и нагревает камни, которые сохраняют тепло. Каменки в Финляндии складывались без опечья, с низким, чуть выше уровня пола, устьем, открытый очаг перед каменкой встречался редко. Каменки известны только на западе страны: в Варсинайс-Суоми, в Сатакунте, части Хямэ и Эстерботнии. Встречались каменки со вторым глухим сводом, защищавшим потолок от искр. Они были известны на территории, граничащей с ареалом глухой печи. Валонен считает, что возникновение такой формы каменки может быть в равной мере объяснено и как результат развития собственно каменки, и как следствие влияния печи глухого типа. На наш взгляд, развитие эстонской закрытой каменки свидетельствует скорее о том, что такая форма печи является естественным усовершенствованием ее в противопожарных целях.

Глухая финская печь имела мурованный верхний свод. Дым из печи выходил через специальные каналы, которые начинались в глубине топки, шли в толще свода и открывались наружу на челе печи. Наличием дымовых каналов финская или западная глухая печь отличается от русской.

Глухая финская печь известна в двух вариантах. На западе она складывалась на низком каменном опечье, иногда имела угловой столб, массивный и круглый в сечении, стоящий прямо на полу. В саво-карельских районах печь имела деревянное высокое (по росту хозяйки) опечье, полое внутри. Угловой столб был тонкий, четырехгранный, опирающийся на шесток.

Западная печь имела на шестке очаг, расположенный прямо перед устьем или два очага по краям шестка. Шесток имел форму уступа, образованного более широкой частью опечья. В саво-карельских печах очаг устраивался во внутреннем углу шестка, который опирался на вынесенные вперед балки опечья.

В пограничной Карьяла была распространена русская печь с голбцом в форме ящика с люком в подполье. Очаг на шестке устраивался во внутреннем углу, с внешней стороны шесток ограждался профилированной доской. Угловой столб печи был в виде массивного бруса.

Для контроля материалов о курных печах Н. Валонен рассматривает печи риг, бань и уличные печи. Особый интерес представляют последние. Конструктивно они относятся к глухим, складываются на низком опечье и обычно не имеют очага перед устьем. Пользовались уличными печами обычно бедняки (нередко печи были общими для нескольких семей), новоселы, охотники — на местах временных жилищ. Уличные печи использовались преимущественно для выпечки сухого тонкого хлеба, которым запасались в большом количестве; иногда под рождество пекли и мягкий хлеб или жарили праздничную пищу.

Уличные печи были распространены на юго-западе и северо-западе страны, там, где жилище называется пирти. На территории между реками Паттийоки и Кеми уличные печи неизвестны. Именно эта часть страны в период 1323—1595 гг. входила в состав Русского государства и заселялась переселенцами из Карелии, в то время как южная и западная Эстерботнии, так же как и север страны, осваивались выходцами из Сатакунты.

Тем не менее Н. Валонен хочет видеть в уличной печи русское заимствование, основываясь на ее названии пята, производным, по его мнению, от русского печь. Вторично к этому вопросу Н. Валонен возвращается в конце книги, где проводит общий анализ терминологии печей и очагов (стр. 489 и сл.). Он приводит и встречающиеся в Эстонии термины «пач», «пяс», «пяссахи». Следует отметить, что и другие этнографы, даже расходящиеся с Валоненом во взглядах на происхождение финской, в частности уличной, печи (И. Маннинен, Г. Рянк, К. Вилкуна), все полагали, что термины «пяс», «пяччи», «пятти» являются производными от русского слова печь.

Однако это предположение трудно согласовать с данными о территории распространения этих терминов. Они бытуют с одной стороны, на востоке Финляндии и Эстонии, что действительно может быть объяснено близостью русской печи. Но, кроме того, они встречаются на западных окраинах Финляндии и Эстонии, где менее всего можно ожидать заимствования, хотя бы и только языковых, от славян. Для Финляндии это особенно подчеркивается фактом, приведенным самим Валоненом: именно на территории между Кеми и Паттийоки, куда шло переселение из восточной Карелии, ни термина «пятти», ни уличной печи нет.

Недавно советский этнограф А. Вийрес на основе эстонского материала высказал, на наш взгляд совершенно правильное предложение, что в данном случае мы имеем дело со звуковым совпадением двух различных слов — одного, возникшего в результате заимствования русского термина печь («пяччи», «пятс») и словом «пяйти», «пятс», но очень ясным по своему первоначальному значению, но в дальнейшем связанном с уличной печью³.

По поводу предположения Н. Валонена о заимствовании уличной печи от русских следует добавить еще несколько слов. Во-первых, уличная печь конструктивно отлична от русской и принадлежит к западному типу. Уличные печи чужды русской крестьянской культуре, так же как и связанная с ними традиция выпечки больших запасов сухого хлеба, который неизвестен русскому крестьянину. Для регулярной же выпечки мягкого кислого хлеба прекрасно подходит русская печь в избе. Только в некоторых теплых районах уличная печь встречается у русского переселенческого населения (на Дону, в Средней Азии, на Дальнем Востоке) и может считаться поздним явлением.

В работе Н. Валонена дан подробный анализ и печей с дымоходом. Наиболее ранней и простой формой печи с дымоходом исследователь считает камин, пришедший в Финляндию через Швецию из Западной Европы в период позднего средневековья. Вся терминология, связанная с камином, — шведского происхождения. В основном жилом помещении (пирти и тупа) камин закрепился только по границе юго-западного ареала пирти, т. е. на юго-востоке и северо-востоке Сатакунты. На большей же части страны курная печь с открытым очагом была вытеснена печью с дымоходом сложного типа, в котором обогревательно-хлебная печь соединяется с камином. В некоторых ее вариантах можно видеть дальнейшее развитие местных форм курной печи с очагом, в других, не имеющих определенных ареалов, — городское заимствование. Аналогичные последним формы можно встретить в Швеции и Норвегии.

В юго-западном ареале пирти сложилась особая форма чисто обогревательной печи, близкой к голландской.

О развитии финских печей Н. Валонен высказывает целый ряд интересных мыслей. Он полагает, что каменка была быстро вытеснена глухой печью благодаря большому техническому совершенству последней. Наличие каналов увеличивало тягу и сокращало процесс горения дров почти вдвое, что при курной топке было весьма важно.

О путях формирования сложной печи с камином на территории Финляндии Н. Валонен высказывается очень осторожно, не примыкая прямо ни к сторонникам той точки зрения, что сложная печь — это сочетание славянской глухой печи с германским очагом⁴, ни к тем, что считал глухую печь исконно германским явлением⁵. Валонен ограничивается тем, что отрицает возможность формирования финской сложной печи под влиянием русской. При этом автор констатирует русское влияние в восточных районах страны, проявившееся в том, что печь приобрела высокое опечье и очаг на шестке расположен асимметрично во внутреннем углу. Н. Валонен отмечает, что высокое опечье и некоторые другие особенности шестка связаны с восточной традицией варки пищи в печи (а не на очаге) и выпечкой мягкого хлеба, которые характерны для саво-карельских районов.

Проанализировав таким образом терминологию и планировку жилища и разобрав особенности типов печей и пути их формирования, Н. Валонен переходит к общим выводам. Он полагает, что срубное жилище, обогревавшееся печью-каменкой, распространяется в Финляндии в конце первого тысячелетия, вытесняя более примитивные формы жилья — конический шалаш и так называемый длинный дом столбовой конструкции. Автор полагает, что срубное жилище носило название «пиртч» (пирти) и особо отмечает то обстоятельство, что этот термин практически повсеместно сочетался с терминами «киуас», «киукас» и др., которые обозначали печь-каменку.

Распространение жилища пирти Н. Валонен связывает с восточными влияниями. Как известно, лингвисты, ранее считавшие, что слово пирти — летто-литовского происхождения, за последние годы в большинстве своем Э. Ниеминен, М. Рясанен, Р. Пелтола, И. Вахрос⁶ стали склоняться к мнению, что оно славянского происхождения и восходит к новгородскому «перть». Валонен подробно рассматривает территорию распространения термина «пирти» (пирти) у финноязычных народов (у карел, в том числе у карел Калининской области и новгородских, у вепсов, ижоры, лопарей, у финноязычных народов Поволжья) и у летто-литовцев. Отсутствие этого термина у эстон-

³ A. Viire s, Leivapäts ja pätsahi, «Keel ja kirjandus» 1966, No. 1.

⁴ V. Geramb, Die Kulturgeschichte der Rauchstuben. Wörter und Sachen IX Heidelberg, 1926.

⁵ K. Ilg, Zur Verbreitung der Rauchstube in Nordtirol und in den übrigen österreichischen Bundesländern, «Österreichische Zeitschrift für Volkskunde», Neue Serie, Bd. VII, Wien, 1958.

⁶ E. Nieminen, Ein Beitrag zu der ostslavischen und ostseefinnischen Badestubeterminologie, Lingva Posnaensis, IV, 1953; R. Peltola, Suomenpirtti ja vasta sanain lainalähde, Virittäjä, 1954; M. Räsänen, Vieläkin suom. sanasta vasta, Virittäjä, 1954; I. Vahros, Zur Geschichte der ostslavischen sauna, Helsinki, 1966.

цев он объясняет тем, что в период распространения жилища пирти в Эстонии происходило уже формирование другого типа жилища, так называемой жилой риги. Такое объяснение кажется нам чисто умозрительным построением, и автор оставляет без внимания то обстоятельство, что на ранних этапах формирования жилой риги вряд ли могла особенно отличаться от пирти. Причины заимствования или, наоборот, неприятия терминологии часто не могут быть вообще убедительно раскрыты. Так, уже упоминалось, что определенно заимствованный термин «пирти» сочетается с термином «киуас», исконно финским. Но этот вопрос, как и некоторые другие, связанные с той же проблемой, на имеющихся в нашем распоряжении археологических, а тем более на этнографических материалах не могут быть решены, так как мы не знаем, было ли срубное жилище с каменной в северной и северо-восточной Европе на ранних этапах своего развития однородным или имело локальные различия.

Очень условным нам кажется объяснение Н. Валонена, почему термин «пирти» (перти) сохранился в Восточной Карелии (включая пограничную Карьяла), а также у вепсов, ижоры и карел-переселенцев за жилищем русского типа — избой. Он полагает, что слово «изба» по своему звуковому составу чудно финским языкам. Нет смысла перечислять слова, звуковой состав которых при заимствовании финноязычными народами был ими изменен. Как уже говорилось выше, далеко не всегда можно объяснить заимствование явления без терминологии и, напротив, заимствование терминов без обозначаемого явления.

Итак, Н. Валонен полагает, что первоначально в Финляндии повсеместно распространилась пирти — срубное жилище с печью-каменной. Более поздним типом жилища была тупа.

Вопрос о времени возникновения, распространения и отличительных чертах тупа в прошлом толковался очень различно. Некоторые этнографы полагали, что это было развитое жилище, снабженное печью с дымоходом. На лингвистическом, в частности топонимическом, материале Н. Валонен убедительно доказывает, что тупа получает распространение задолго до появления печей с дымоходом. Сопоставляя различные археологические и исторические данные, он считает возможным датировать появление тупы XIII в. Это подтверждается, в частности, тем, что ижора (отделившаяся от карельских племен в XI в.) знала только пирти. Но финны, переселившиеся на южный берег Финского залива в период после Столбовского мира (1617 г.), принесли с собой жилище тупу. Повлияла на распространение тупы и государственная граница 1323—1595 гг. Автор полагает, что термин «тупа» вместе с новым типом жилища был принесен в Финляндию готландскими купцами, которые с XII в. основывают базы на северном берегу Финского залива. Тупа, по мнению исследователя, представляла собой первоначально срубную постройку с глухой печью западного типа (с каналами). Именно благодаря совершенной форме печи тупа стала вытеснять жилище пирти.

Н. Валонен предполагает, что пирти с печью-каменной сочеталась с уличной хлебной печью, так как каменка непригодна для выпечки хлеба. Глухая печь в тупе сделала уличную хлебную печь ненужной, и она исчезла на территории распространения этой формы жилища. В различных частях страны тупа распространялась разными путями. На большей части территории Финляндии она просто вытеснила пирти. Но в бассейне р. Кокемяэныоки оба типа жилища — пирти и тупа — объединились под одной крышей. При этом пирти осталась основным жилым помещением, в то время как тупа с глухой печью и очагом превратилась в хозяйственное помещение, где варили еду и пекли хлеб. Причины такого своеобразного слияния двух форм жилища теперь уже невозможно вскрыть, можно только полагать, что сначала подобные сложные дома строили богатые крестьяне, а потом они стали господствующим типом. Бедняки, которые вынуждены были ограничиваться двухкамерным жилищем, не имели в доме хлебной печи и сохраняли уличные печи для выпечки хлеба. На севере страны жилище, называемое «пирти», практически ничем не отличается от тупы. Но остатки старой формы жилищ проявляются там в обычае выпекать хлеб, заготавливаемый впрок в больших количествах, вне жилого помещения — в отдельно стоящей пекарне, в рижной печи и т. п. На востоке Финляндии, в пограничной Карьяла распространение получил русский тип жилища, хотя на него была в основном перенесена финская терминология, и изба называется «перти» (так же как и в Восточной Карелии, современной КАССР).

В целом Н. Валонен интересно решает поставленную задачу. В его построениях много нового и часто безукоризненно доказанного. Очень богат использованный им лингвистический и топонимический материал. Данные языка, так же как статистические материалы и этнографические явления (часто вплоть до мельчайших их элементов), положены им на карты. Это делает его аргументацию особенно наглядной, сопоставимой и убедительной. Книга богато иллюстрирована, рисунки высокого качества. Материал подан исследователем так, что читателю легко проверить предложенные автором построения и составить о них собственное мнение. Однако чтение книги затрудняется ее очень сложной структурой. Некоторые наши разногласия с автором вызваны в основном тем, что восточные, в частности русские, материалы, видимо, не всегда были ему доступны.

Н. В. Шлыгина